

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОЯСНЕНИЯ

КЪ СТАТЬѢ Г. ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА ГЕРШЕЛЬМАНА

„НѢКОЛЬКО СЛОВЪ О СОВРЕМЕННОМЪ НАПРАВЛЕНІИ НѢКОТОРЫХЪ НАШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ ПО ТАКТИКѢ“.

Г. автору названной статьи угодно было, по поводу послѣднихъ моихъ статей, помѣщенныхъ въ 11 и 12 нумерахъ „Военнаго Сборника“ за 1867 годъ и подписанныхъ буквою Д., изобразить впечатлѣніе, произведенное на него всѣмъ тѣмъ, что я когда-либо писалъ. Это впечатлѣніе вышло у автора такого рода, что въ глазахъ его я явился человѣкомъ, отрицающимъ почти всѣ основы порядка воинскаго. Подобное обвиненіе налагаетъ на меня обязанность разъяснить тѣ пропуски и недомолвки, благодаря которымъ въ сознаніи г. автора получилось впечатлѣніе столь для меня неожиданное. Прежде всего въ особенности прошу г. автора обратить вниманіе на то обстоятельство, что я не возражаю ему, а только оправдываюсь.

Г. авторъ сформировалъ свое впечатлѣніе такимъ образомъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ цитируетъ мои фразы, обрывая ихъ чуть не на полусловъ; въ другихъ относитъ, напримѣръ, къ отдѣльнымъ баталіонамъ то, что мною сказано въ примѣненіи къ совокупности баталіоновъ; принимаетъ за высказанное безусловно то, что, напротивъ, предлагается съ большими и весьма опредѣлительно высказанными ограниченіями; наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вооружившись однимъ моимъ словомъ или полуфразой, вырванными изъ цѣпи разсужденія,

онъ создаетъ на этомъ свои собственныя умозаключенія, но приписываетъ ихъ мнѣ. Всякій читатель безъ труда пойметъ, что при этомъ, къ сожалѣнію слишкомъ извѣстномъ и выгодномъ, способѣ разбора, нѣтъ сочиненія, которое не дало бы въ рецензіи того впечатлѣнія, которое получить желательно.

Г. авторъ начинаетъ свой разборъ обвиненіемъ ученія, которое онъ сдѣлалъ мнѣ честь назвать моймъ (*), въ *фанатизмъ* и *оппозиціи*. Начало хорошее: что пропагандируется фанатически, что заключаетъ въ себѣ оппозицію, то всегда можетъ быть заподозрѣно въ разрушительныхъ стремленіяхъ.... Но оставимъ говорить самого г. автора:

„Не имѣя времени прослѣдить весь рядъ этикъ оригинальныхъ статей, полныхъ здравыхъ мыслей, но рядомъ съ ними и увлеченій, я долженъ ограничиться изображеніемъ впечатлѣнія этого ряда статей, этого новаго ученія „на старый ладъ“. (**). Ученіемъ я это называю по выражающемуся фанатизму, по докторальности тона статей и по очевидной требовательности со стороны авторовъ слѣпago послѣдованія за ихъ убѣжденіями, подъ угрозою быть заклейменнымъ эпитетами отсталости, пустыхъ бутылокъ съ громкими ярлыками и пр. и пр.“

Изъ этого видно, что г. критикъ считаетъ „ученіе“ и „фанатизмъ“ какъ бы синонимами, между тѣмъ какъ, по общепринятому, это вовсе не одно и то же. Фанатики обыкновенно стремятся уничтожать своихъ противниковъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами: въ моихъ статьяхъ, говорю это смѣло, нельзя найти ничего подобнаго. Если я называю вещи прямо, ихъ именами, то для того, чтобы яснѣе была мысль; если доказываю свои положенія болѣе или менѣе страстно, то это вещь совершенно естественная со стороны человѣка, признающаго истину чего-либо такого, что признается пока не всѣми. Точно также страстно я говорилъ о необходимости стрѣльбы съ неопредѣленныхъ разстояній и ученій съ боевыми патронами, пока то и другое не было принято. Да и вообще мнѣ страннымъ кажется, когда дѣло идетъ о какой-либо мысли, обра-

(*) Для меня это слишкомъ много, ибо система обученія, изложенная мною, составляетъ логическій выводъ изъ началъ, взятыхъ у маршала Саксонскаго, у Суворова, у Фридриха Великаго, у Наполеона, у Бюжо, и повѣренныхъ боевыми явленіями. Если съ моей стороны тутъ и есть какая-либо заслуга, то развѣ та только, что я нѣсколько внимательнѣе вчитался въ творенія этихъ великихъ практиковъ военнаго дѣла, оставивъ въ сторонѣ писателей по тактикѣ, чисто-догматическихъ.

(**) Какимъ образомъ можно браться за передачу впечатлѣнія, производимаго рядомъ статей, не прослѣдивъ этого ряда статей,—недоумѣваю....

щать вниманіе не столько на нее, сколько на форму выраженія; не столько на то, что говорится, сколько на то, какъ говорится. Что же до пустыхъ бутылокъ съ громкими ярлыками, то способъ, которымъ перетолковано это выраженіе, составляетъ одну изъ тѣхъ неожиданностей, которыя такою щедрою рукою обрушилъ на меня г. критикъ, на каждомъ шагу доискиваясь въ моихъ словахъ такого смысла, какого придавать я имъ и не думалъ. Изъ всей статьи „Объ отношеніи строевыхъ уставовъ къ тактикѣ“, занимающей 28 страницъ (*), критикъ замѣтилъ только... пустыя бутылки! Да вдобавокъ со словъ и съ фразъ, къ которымъ было отнесено это выраженіе, перенесъ его на людей.

Что касается до оппозиціоннаго, будто бы, характера моихъ статей, то и здѣсь долженъ сознаться, что смыслъ, въ которомъ г. критикъ употребляетъ слово *оппозиція*, остается для меня темнымъ.

Оппозиція кому и во имя чего? Когда я, начиная съ 1858 года, доказывалъ, что необходимо дать стрѣльбѣ съ неопредѣленныхъ разстояній преобладающее значеніе надъ стрѣльбою съ отмѣренныхъ; когда доказывалъ, что и на этомъ нельзя остановиться, а для вполнѣ раціональной подготовки войскъ къ бою необходимо кончать ученіями съ боевыми патронами, то дѣлалъ ли я этимъ оппозицію кому-либо, или же мечталъ только объ одномъ — о возможно-лучшей подготовкѣ войскъ для боя?

Когда, послѣ шестидесятипятилѣтняго забытья, я вывелъ на свѣтъ Вожей систему обученія атакѣ Суворова, комментировалъ его великую „науку побѣждать“, то дѣлалъ ли я этимъ оппозицію кому-либо, или же привлекалъ вниманіе интересующихся военнымъ дѣломъ къ *дѣйствительно національнымъ для русскихъ приемамъ образованія и воспитанія войскъ?*

Когда, съ 1860 года, я заявлялъ о необходимости распространенія въ войскахъ устава о службѣ внутренней, какъ единственнаго средства для поддержанія и упроченія внутренняго порядка, когда, вслѣдъ за тѣмъ, участвовалъ въ составленіи проекта этого устава въ качествѣ дѣлопроизводителя особаго комитета, то было ли это оппозиционнымъ стремленіемъ съ моей стороны, или же исполненіемъ долга и присяги по мѣрѣ силъ и способностей?

(*) Написанной еще въ 1865 году.

Что-нибудь одно, г. критикъ: или вы изволите придавать слову „опозиція“ свой особенный, необщепринятый смыслъ, и тогда было бы удобнѣе это разъяснить, дабы не вводить въ заблужденіе читателей; или же вы думали употребить его въ общепринятомъ смыслѣ, и тогда не вижу, гдѣ и кому вы нашли опозицію въ моихъ статьяхъ.

Прошу великодушнаго снисхожденія у читателя, что распространился объ этой грустной для меня постановкѣ статьи г. рецензента: это необходимо было сдѣлать по понятнымъ причинамъ.

Перехожу къ тѣмъ положеніямъ изъ „моего“ ученія, съ которыми г. критикъ не согласенъ; останавлиюсь на нихъ тѣмъ съ большимъ вниманіемъ, что не онъ одинъ придерживается высказанныхъ имъ мнѣній.

Г. критикъ начинаетъ разборъ съ обѣщанія строго отнестись къ началамъ системы, мною проводимой и къ способу ихъ примѣненія къ дѣлу; иначе, прибавляетъ онъ, „и на дѣлѣ выйдутъ такія же крайности, какими изобилуетъ это ученіе“.

Прочитавъ это предвареніе, я съ нетерпѣніемъ пошелъ дальше, въ надеждѣ встрѣтить критику „началъ“; ожиданія не сбылись: именнó ее-то я и не нашелъ въ произведеніи почтеннаго автора. Вѣроятно, по недостатку времени, какъ заявилъ самъ авторъ, онъ не примѣтилъ этихъ началъ.

Мнѣ остается прослѣдить обвиненія г. критика шагъ за шагомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они формулированы.

Итакъ, не разобравъ серьезно ни одного изъ началъ воспитанія и образованія войскъ, поставленныхъ мною на основаніи извѣстныхъ авторитетовъ, г. критикъ, упомянувъ только о первомъ изъ нихъ (*), переходитъ къ тому, будто:

„новое ученіе отрицаетъ мало по малу чуть ли не *все* тѣ занятія въ мирное время, которыя должны служить залогомъ порядка на дѣйствительной службѣ войскъ, на томъ основаніи, что въ военное время невозможно бываетъ сохранить тотъ же порядокъ и ту же стройность.“

Даже переписавъ этотъ упрекъ и перечитавъ его предварительно нѣсколько разъ, я едва вѣрю глазамъ своимъ! Можно бы было еще объяснить его себѣ въ томъ случаѣ, если бы г. критикъ не читалъ изъ написаннаго мною ничего, кромѣ послѣднихъ статей, въ которыхъ на многое сдѣланъ только на-

(*) „Войска нужно учить въ мирное время только тому, что они должны уметь дѣлать въ военное“.

мень, въ избѣжаніе повтореній; но вѣдь онъ указываетъ на цѣ-
лѣный рядъ моихъ статей, въ которыхъ сдѣланы всѣ возможные
поясненія относительно того, какое значеніе я придаю различ-
нымъ отдѣламъ образованія. Несмотря на это, г. критикъ
счелъ за лучшее не принимать въ расчетъ того, что могло бы
ослабить силу его аргументаціи, и мотивируетъ вышеприведен-
ное обвиненіе такимъ образомъ:

„Такъ напримѣръ, совѣтуется ослабить въ мирное время требованія
сомнѣнности, допуская ее въ кавалеріи только по недостатку独一无-
наго развитія всадниковъ; стройности движенія массъ, ровнаго шага;
или, хотя и признается важность равенія въ каждой отдѣльной части,
но оно допускается лишь по тѣмъ, которые рвутся впередъ. Осуж-
дается, что на совокупныхъ ученіяхъ нѣсколькихъ батальоновъ тре-
буется „математическое“ равеніе (не говоря уже о цѣпи: въ ней
давно и никто не требуетъ равенія).

(Слѣдуютъ затѣмъ поясненія, почему г. критику все это
кажется неосновательнымъ.)

По истинѣ, и половины этого достаточно для того, чтобы
осудить военнаго, утверждающаго подобныя несообразности!

Но дѣло въ томъ, что многого изъ приписываемаго мнѣ
г. критикомъ я и не думалъ утверждать; остальное если и
проводилъ, то вовсе не такъ, какъ то угодно ему было пред-
ставить.

Во-первыхъ, объ ослабленіи сомнѣнности въ кавалеріи я *ни-*
когда и не думалъ говорить. Единственное мѣсто, которое мог-
ло подать поводъ къ подобному превратному толкованію мо-
ихъ мыслей, заключается не въ статьяхъ, а въ моемъ курсѣ
тактики (*); привожу это мѣсто цѣликомъ, дабы читатель
могъ судить о критическихъ приемахъ г. автора „Нѣсколькихъ
словъ“:

(Стр. 142). „Естественныя кавалеріи для атаки строятся въ одну
шеренгу, изъ которой въ моментъ свалки выходитъ собственно раз-
сыпной строй. Въ частяхъ регулярной кавалеріи, въ минуту свалки
выходитъ изъ двухъ сомкнутыхъ шеренгъ почти одна, потому что
всадники при быстромъ движеніи неминуемо размыкаются по фронту.
Въ естественныхъ кавалеріяхъ одношереножный строй утвердился

(*) „Курсъ тактики для гг. офицеровъ учебнаго пѣхотнаго батальона“. Изда-
ніе второе, 1867. Въ моихъ статьяхъ я ничего не говорилъ о значеніи сомну-
тости въ кавалеріи. Слѣдовательно упрекъ автора показываетъ, что онъ *прослѣ-*
дилъ также и мой курсъ. Это открытіе поражаетъ меня еще большимъ изумле-
ніемъ при мысли о его выводахъ: я могъ бы еще позвать уличеніе автора, если
бы онъ былъ ознакомленъ только съ отрывками системы, а не со всей системой.
Оказывается, что онъ знаетъ ее всю и не воздержался, несмотря на то, отъ
своихъ „впечатлѣній“.

потому, что всякій всадникъ, ловко владѣя оружіемъ, не только не избѣгаетъ встрѣчи съ противникомъ одинъ на одинъ, но ищетъ ея. Въ регулярныхъ кавалеріяхъ недостатокъ одиночной ловкости приходится вознаграждать сомнностью. Къ одношереножному строю можетъ привести также развитіе быстроты движенія до возможнаго предѣла рациональнымъ воспитаніемъ лошадей, *потому что тогда свалка будетъ еще мгновеннѣе, и возможность принять участіе въ ударѣ для второй шеренги еще меньше, нежели теперь.* Предполагая, что когда-нибудь въ регулярныхъ кавалеріяхъ одиночное образованіе всадника будетъ доведено до той степени, на какой оно обыкновенно находится въ ирегулярныхъ, переходъ къ одношереножному строю въ первыхъ *не невозможенъ.*“

Что это: совѣтъ ли ослабить сомнность въ мирное время, или просто разъясненіе, почему регулярныя кавалеріи строятся для атаки въ двѣ шеренги, а ирегулярныя въ одну, и при какихъ условіяхъ является болѣе рациональнымъ то, либо другое расположеніе? прошу рѣшить читателя. Къ этому долженъ прибавить, что дальше, говоря объ атакѣ (стр. 147), я ставлю *первостепенными* условіями ея успѣха: „рѣшимость довести атаку до конца во что бы то ни стало, выборъ минуты для удара, *сомнность* и *быстроту*“. Нѣсколькими строками ниже — что „сомнность при ударѣ достигается *привычкою маневрировать въ сомкнутомъ строю на быстрыхъ аллюрахъ*“. Если и послѣ всего этого г. критику все-таки показалось, что я совѣтую ослабленіе сомнности въ кавалеріи, то вина не моя.

Во-вторыхъ, „ровнаго шага“ (*) я *нидѣ не отверялъ*; а, напротивъ, нахожу его единственнымъ средствомъ къ тому, чтобы масса людей, разнообразныхъ и по физическому складу, и по нравственнымъ качествамъ, могла составить одно коллективное существо, называемое тактической единицей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаю, что увлеченіе этимъ отдѣломъ образованія отражается на духѣ и убѣжденіяхъ войскъ самыми вредными послѣдствіями (**). Не дѣлаю въ подтвержденіе этого выписокъ изъ своихъ статей, ибо оправданіе вышло бы слишкомъ длинно; но желающихъ убѣдиться въ томъ, что я смотрю на это дѣло именно такъ, а не какъ угодно г. критику заставлятъ меня смотрѣть на него, отсылаю къ первой статьѣ „О воспитаніи и образованіи войскъ“, помѣщенной въ № 11 „Военнаго Сборника“ за 1865 годъ, стр. 67 и слѣд.

(*) Подъ этимъ выраженіемъ г. критикъ разумѣетъ, вѣроятно, движеніе въ ногу, шагомъ постоянной скорости и размаха.

(**) Дѣйствительность этого вреда признана у насъ, чему служить доказательствомъ отъзна тихихъ учебныхъ шаговъ и походки съ носна.

Въ-третьихъ, о равенніи по *среднимъ* я говорю, *разумля* только *могутъ атака*, такъ какъ при соображеніи строя нужно главнѣйше думать объ этомъ моментѣ, что г. критикъ могъ уразумѣть даже изъ самаго выраженія: по тѣмъ, которые *рвутся* впередъ. Не считая меня полнымъ невѣждою въ дѣлѣ, о которомъ говорю, нельзя же думать, чтобы я находилъ возможнымъ „рваться впередъ“ въ продолженіе всего наступленія въ боевомъ порядкѣ, которое при нынѣшнемъ огнѣ начинается вѣдь съ 700, 1,000 шаженъ. Что это выраженіе и отношу именно къ атакѣ, а не къ движеніямъ, ей предшествующимъ, г. критикъ можетъ убѣдиться изъ моего курса, стр. 105. *Да притомъ это выраженіе и не мое, а Суворова.*

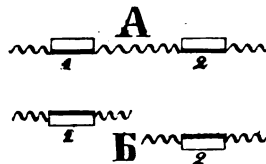
Въ-четвертыхъ. Предложеніе: не требовать на совокупномъ ученіи нѣсколькихъ тактическихъ единицъ строгаго равенія по линіямъ—единственная мысль, которую г. критикъ занесъ въ свой почтенный трудъ, не извративъ ея—проводится мною по соображеніямъ, которыя высказаны въ статьѣ, но на которыя автору неугодно было обратитъ вниманія. Въмѣсто того, чтобы ихъ опровергнуть, если они не вѣрны, г. авторъ ограничивается общими фразами о стройности, порядкѣ и т. д. Прошу у г. критика нѣсколько минутъ вниманія: изъ сказаннаго ниже онъ убѣдится, что требованіе строгаго равенія въ линіи частей (*) — бесполезно; вслѣдъ затѣмъ я покажу, что подобное требованіе не только ничего не даетъ для пользы дѣла, но даже прямо противорѣчитъ этой пользѣ.

Начну съ доказательства, почему необходимо равеніе въ одной сомкнутой части,—и для ясности послѣдующаго разсужденія, и для того, чтобы показать, что я вовсе не шуточно отношусь къ строгаго равенію тамъ, гдѣ оно дѣйствительно полезно. Положимъ, что идутъ въ штыки по два человѣка съ каждой стороны, и что въ группѣ В одинъ человѣкъ опоздалъ на одну только секунду къ моменту свалки: тогда два человѣка стороны А получаютъ возможность справиться сначала съ переднимъ человѣкомъ группы В, а потомъ и съ опоздавшимъ. Итакъ, ясно, что въ тактическихъ единицахъ равеніе и сомкнутость необходимы, иначе проявленіе круговой поруки стало бы невозможнымъ. Не будетъ конечно ошибкой, если груди нѣсколькихъ солдатъ придутся на дюймъ—на два позади или

(*) Забѣйте: требованіе строгаго равенія не отъ людей одной части, которое необходимо, но отъ частей между собою.

вперед общей линіи фронта; но часть перестает быть однимъ существомъ, если подобная ошибка дойдетъ, напримеръ, до одного-двухъ шаговъ. Понимается само собою, что сказанное здѣсь о двухъ человѣкахъ относится до людей каждой шеренги, входящей въ составъ тактической единицы.

Возьмемъ теперь два баталіона съ нашей и съ невѣроятной стороны и посмотримъ, въ какихъ условіяхъ произойдетъ ихъ ударъ. Дабы взять фактъ проще и получить объясненіе рельефнѣе, предполагаю, конечно, что обѣ стороны одинаково проникнуты желаніемъ сойтись на штыль. Самый малый интервалъ, на который баталіоны могутъ быть употреблены въ бою, въ большей части случаевъ, есть положительный (*). Итакъ:

Примѣчаніе. Баталіоны взяты въ колоннахъ, имѣющихъ два взвода по фронту.

По вышеуказанному, условіе выручки своихъ, или, что одно и то же, круговой поруки, требуетъ, чтобы два баталіона стороны А не могли напасть на одинъ баталіонъ стороны В. Положимъ, что лѣвый баталіонъ В выдвинулся впередъ шаговъ на 50, и, слѣдовательно, сбѣжился съ противникомъ почти на полминуты ранѣе своего товарища: будетъ ли, несмотря на это, ударъ стороны В единовремененъ, разумѣя, конечно, одновременность въ практическомъ смыслѣ? Утверждаю, что будетъ, и вотъ почему: въ теченіе этой полминуты 2-й баталіонъ стороны А не имѣетъ возможности и подать помощь своему 1-му баталіону, и вернуться для встрѣчи баталіона стороны В, ему противопоставленнаго (**). Интервалъ, на которомъ баталіоны расположены въ линіи, прямо указываетъ, что каждый изъ баталіоновъ можетъ заниматься только противникомъ, ему противопоставленнымъ, и никакъ уже не мо-

(*) Т. е., около 150 шаговъ.

(**) Для этого нужно было бы сдѣлать около 300 шаговъ въ $\frac{1}{2}$ минуты, что дѣлать непородистой лошади карьеромъ, да и то въ прямомъ направленіи. Нужно замѣтить еще, что мы взяли баталіоны на половинномъ интервалѣ; если же ихъ взять на полномъ, то бесполезность строгаго равенія между нѣсколькими частями, стоящими въ одной линіи, станетъ еще яснѣе.

жесть думать о непосредственной помощи, осѣду, если бы онъ задался этой помощію, то оказать бы ее не успѣлъ и въ концѣ концовъ не помогъ бы дѣлу, а повредилъ бы ему. Итакъ, даже разница въ равенствѣ на 50 шаговъ не обнаружила вѣдѣнія на одновременность удара линіи вѣтхихъ нами частей.

Нужно замѣтить при этомъ, что для ясности доказательства мы предположили случай невозможный, ибо если батальоны стояли на одной линіи и пошли въ одно время и по одному направленію, то они могутъ разравняться, самое большее, на 10—15 шаговъ, но уже никакъ не на 50. Понимается само собою, что если, какъ показано выше, нарушеніе равенствѣ въ линіи частей даже на 50 шаговъ не отразилось существенно на одновременности удара, то о 10—15 шагахъ и говорить нечего.

Да, наконецъ, это не противорѣчитъ и нашимъ понятіямъ о равенствѣ, если только вы потрудитесь приложить ихъ по смыслу, а не по буквѣ къ линіи частей, вѣдь съ людей одной части. Вѣроятно вы согласитесь, что часть выровнена хороше, если груди нѣкоторыхъ солдатъ будутъ приходиться не строго на линіи фронта, а на дюймъ впередъ или назадъ. Это такое ничтожное отступленіе отъ математически-прямой линіи, что въ строю едва-ли его можетъ замѣтить и самый вывѣрчивъ глазъ. Такъ какъ на всякаго человека по фронту приходится около $\frac{3}{4}$ аршина (21 дюймъ), то если относительно этого двустранства, вы признаете возможнымъ допускъ для равенствѣ на дюймъ, вы вмѣстѣ съ тѣмъ должны признать и соответствующій допускъ для батальона, на который вводится отъ 150 до 300 аршинъ. Чтобы отразить этотъ допускъ, следовало только послать пропорцію:***)

$$1 \text{ дюймъ} : 21 \text{ д.} = x : 150.28 \text{ дюймамъ.}$$

$$x = \frac{150.28}{21} = 7 \text{ шагамъ.}$$

Если же на каждый батальонъ отведенъ полный интервалъ, то этотъ допускъ получится вдвое больше. Позвольте теперь спросить, ваше мнѣніе: достаточно ли строено идетъ линія батальоновъ, если нѣкоторые изъ нихъ будутъ шаговъ на 10—15 впередъ или назадъ своихъ соседей? Мнѣ кажется, эта линія будетъ имѣть ту же степень стройности, какую имѣетъ отдѣль-

отъ этого можетъ быть и то, что было сказано (***)

ная часть, если въ ней разниа равенія не идетъ далѣе дюйма (*).

Итакъ, вы должны признать, что для атаки математическое равеніе между частями бесполезно, что оно не оправдывается и съ чисто-уставной точки, ибо нельзя же быть болѣе требовательнымъ къ массамъ, разставленнымъ на сотни шаговъ, чѣмъ вы требовательны къ людямъ, стоящимъ рядомъ.

Теперь посмотримъ, почему требованіе строгаго (***) равенія между частями вредно въ мирное время. Вамъ извѣстно, что теперь бой ведется на мѣстахъ болѣе или менѣе пересѣченныхъ, гдѣ забота о равеніи, ставя начальника въ страшное затрудненіе, отвлекаетъ его вниманіе отъ непріятеля; вы должны знать также, во что обходится въ мирное время приученіе къ тому, чтобы, напримѣръ, три баталіона только, не говоря уже о большемъ числѣ, прошли съ соблюденіемъ строгаго между собою равенія. Теперь, когда всѣ европейскія арміи идутъ очевидно на сокращеніе сроковъ службы, когда вѣроятно и намъ придется сдѣлать то же самое, теперь нужно быть особенно внимательнымъ къ тому, чтобы освободить обученіе войскъ отъ всего того, что въ бою непримѣнимо *ни прямо, ни косвенно*, какъ бы оно ни было заманчиво и пріятно для глаза. Въ примѣненіи къ массамъ, все подобное—то же, что была въ примѣненіи къ отдѣльнымъ людямъ походка съ носка: мы имѣли рѣшимость отъ нея отказаться, а между тѣмъ, дѣльная и щеголеватая стройность отъ этого вѣдь не потерялась; точно также, отказавшись отъ стѣсненія частей строгимъ равеніемъ по линіи, мы имъ облегчимъ усвоеніе дѣла, и въ то же время совокупность частей будетъ представлять вполне стройное цѣлое, притомъ цѣлое изъ живыхъ, энергическихъ существъ (***), а не изъ механическихъ частицъ, начальники которыхъ озабочены и тѣмъ уже, если часть ихъ придется шагахъ въ 5—10 позади общей линіи. Нарушаетъ ли это спокойное состояніе духа человѣка, которому вѣряется судьба нѣсколькихъ сотъ ему подобныхъ, представляю судить г. критику. Вы говорите, что нужно приучать къ вѣшной стройности въ мирное время, дабы она была возможна въ военное, и я съ этимъ совершенно согласенъ; но

(*) Что въ движеніи положительно невозможно, а всегда будетъ больше.

(**) Замѣтьте: я отвергаю необходимость не равенія вообще, но строгаго равенія.

(***) Великій баталіонъ есть также существо.

нужно этой стройности добиваться не въ ущербъ развитію духовной природы человѣка, отъ которой, какъ вамъ извѣстно, успѣхъ въ бою зависитъ больше, нежели отъ матеріальныхъ данныхъ. Нужно также помнить, что понятіе о стройности въ примѣненіи въ одной единицѣ нельзя переносить буквально на совокупность единицъ. Часть идетъ стройно, когда люди равняются въ рядахъ и шеренгахъ; совокупность же частей идетъ стройно, когда каждая часть идетъ стройно, хотя бы она и не приходилась совершенно точно на линіи съ другими частями.

Вы говорите еще, что теперь никто уже не требуетъ строгаго равенія въ цѣпи: отъ глубины души поздравляю съ этимъ нашу пѣхоту; но вмѣстѣ съ тѣмъ позволю себѣ вопросъ: рационально ли части, составляющія линію, подчинять болѣе стѣснительнымъ нормамъ, чѣмъ тѣ, которыя установились уже для звеньевъ въ цѣпи? Вѣдь нужно помнить, что только мелкія тактическія единицы могутъ принимать и сомкнутый и рассыпной строй; *но совокупность тактическихъ единицъ никакого другаго строя, кромѣ рассыпнаго, не принимаетъ* (*). Аналогія расположеній въ одну линію нѣсколькихъ тактическихъ единицъ съ цѣпью стрѣлковъ полная; только единица мѣняется: роль звеньевъ въ цѣпяхъ — играютъ иногда баталіоны, иногда роты въ линіяхъ. Не странно ли послѣ этого отказывать баталіонамъ (иногда ротамъ), раздѣляемымъ интервалами, доходящими иногда до 300 шаговъ, въ томъ, что вы признаете для звеньевъ, на каждое изъ которыхъ полагается, какъ шахматш, сорокашаговое пространство?!

И изъ этого, г. критикъ, еще разъ можно убѣдиться, что предложенія относительно маневрированія совокупности единицъ, которыя вамъ кажутся столь зловредными, составляютъ не болѣе, какъ послѣдовательное примѣненіе къ дѣлу тѣхъ началъ, которыя признаны вѣрными относительно одной тактической единицы, но только были понимаемы по буквѣ, а не по сущности ихъ. Немного вникнувъ въ дѣло, вы сами бы ничего другаго не сказали, что сказано здѣсь.

Замѣчаніе г. критика относительно необходимости назначенія дирекціональнаго баталіона нисколько не ослабляетъ ска-

(*) Прошу почтеннаго критика дочитать до конца: иначе по подчеркнутому онъ можетъ меня обвинить въ утвержденіи того, будто чѣмъ масса больше, тѣмъ она больше должна быть похожа на толпу.

заннаго. Вѣдь и я не отвергаю согласованія дѣйствій и движенія въ линіи, но не вижу, чтобы это согласованіе исчезало отъ того, если одинъ баталіонъ придется шаговъ на 10 впереди или позади общей линіи. Вѣдь авторъ не находитъ же, чтобы въ цѣпи пропадала нужная для нея степень стройности и согласованія отъ того, что она не равняется: отчего же онъ вдругъ находитъ это, когда рѣчь идетъ о линіи, составленной изъ звѣзцевъ не въ 4 человекъ, а въ 160 — 800 человекъ? Къ этимъ вещамъ нельзя относиться только съ точки того впечатлѣнія, которое онѣ производятъ на глаза, если не желаютъ получить нелогическаго вывода.

„Вѣдь не можетъ же авторъ не знать — восклицаетъ г. критикъ — что дирекціональному баталіону начальникъ указываетъ направление на какой-нибудь предметъ мѣстности или интервалъ и т. под. и что другіе баталіоны соображаются, т. е. взглядываются на баталіонъ равенія. Это самый простой механизмъ, механизмъ вездѣ и въ бою примѣнимый (напр. на закрытой мѣстности?), если не командую „равненіе по такому баталіону“, то привязаніемъ соображаться съ нимъ.“

Вотъ вы и договорились до „приказанія соображаться съ нимъ“, т. е. до того, что я отстаиваю! Извините великодушно за проявленіе удовольствія, столь естественнаго въ человекѣ, обвиняемомъ ни въстѣ въ чемъ, когда онъ видитъ, что обвинитель силою вещей самъ приведенъ къ тому, противъ чего ополчился!... Вы безъ труда конечно согласитесь, что *соображаться* и *равняться* — далеко не одно и то же. Для того, чтобы только соображаться, достаточно, въ продолженіе наступленія въ нѣсколько сотъ шаговъ, взглянуть на баталіонъ направленія (*) два-три раза; но чтобы равняться по этому баталіону, нужно имѣть постоянно на него устремленное вниманіе, между тѣмъ какъ въ бою оно должно быть постоянно устремлено на непріятеля. А вы вѣроятно согласитесь съ тѣмъ, что если въ бою человекъ долженъ устремлять преимущественно свое вниманіе *впередъ*, то и правила ученій мирнаго времени должно соображать такъ, чтобы и на этихъ ученіяхъ онъ смотрѣлъ преимущественно *также впередъ, а не направо или налево*.

А что и встарь думали именно такъ, доказываетъ терминъ, который употребляете и вы, и который опровергаетъ, независимо для васъ, вашу аргументацію; этотъ терминъ — *дирекціо-*

(*) А не равенія. Почему его нужно называть баталіономъ направленія, тотчасъ объясню.

нальный баталіонъ, что въ переводѣ значитъ: баталіонъ на-
 правленія, а не баталіонъ равенія. Это выраженіе было слѣдо-
 вательно какъ бы сокращеннымъ приказаніемъ въ такомъ
 родѣ: „идите по направленію, параллельному движенію этого
 баталіона“, а не: „равняйтесь по этому баталіону“. Если бы
 старые люди имѣли послѣднюю дѣль, они бы сказали: баталі-
 онъ „алинемана“, а не баталіонъ дирекціи. Вотъ вамъ кстати
 и разъясненіе того, какъ иногда извѣстныя выраженія утрачи-
 ваютъ свой настоящій смыслъ, т. е. обращаются въ ярлыки,
 за которыми находится уже совсѣмъ не то, что они пред-
 ставляли первоначально.

Что же до того, будто бы „дирекціональному баталіону на-
 чальникъ указываетъ направленіе на какой-нибудь предметъ
 мѣстности“, то, воля ваша, хоть вы и говорите, что я этого
 не могу не знать, — не случалось замѣчать, и потому не знаю.
 А къ этимъ вещамъ я, въ теченіе пятнадцатилѣтней службы въ
 строю и за тѣмъ восемнадцатилѣтней въ качествѣ офицера генераль-
 наго штаба при войскахъ, имѣлъ и время, и интересъ при-
 глядѣться: послѣднее потому, что интересовался вопросомъ
 воспитанія и образованія войскъ. Если вы замѣтили, что
 назначеніе видимой дѣли для движенія впереди — такой обще-
 употребительный приемъ, то вѣроятно обстоятельства вамъ
 особенно въ этомъ благопріятствовали. Къ этому долженъ при-
 бавить и еще одно недоумѣніе: вѣдь если бы опредѣленіе дѣ-
 ли для движенія впереди составляло такую постоянную заботу,
 какъ вамъ кажется, то этотъ приемъ долженъ бы былъ отра-
 зиться и въ уставѣ, и на такихъ, напримѣръ, эволюціяхъ,
 какъ перемѣна фронта; между тѣмъ въ уставѣ вы не найдете
 ни одного параграфа, гдѣ бы это было опредѣлительно сказа-
 но; да и перемѣна фронта начинается не съ приказанія дирек-
 ціональной части: *стать фронтомъ къ такому-то предмету*“,
 а съ приказанія: „ $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{8}$ часть круга туда-то заходи“.
 Вдумайтесь внимательнѣе въ это выраженіе и вы безъ труда
 согласитесь, что въ немъ и намена нѣтъ на дѣль впереди.

Послѣ всего сказаннаго, г. критикъ безъ труда пойметъ, что
 его разсужденіе объ уступахъ не идетъ къ дѣлу, такъ какъ это
 уже новая форма расположенія, существенно отличная по свой-
 ствамъ отъ расположенія или движенія частей линіей. Относи-
 тельно же этой послѣдней рѣчь идетъ о томъ только, чтобы не
 смотрѣть, какъ на безпорядокъ и нарушеніе равенія на то,

если какая-нибудь часть придется впереди или позади общей линіи на 5—15 шаговъ.

Равненія въ затылокъ и чувства локтя я вовсе не отвергалъ; не отвергалъ также и значенія командъ и ужъ ни въ какомъ случаѣ не думалъ ихъ замѣнять толкованіями, какъ то угодно г. критику приписывать мнѣ. Послѣ этого всякій безпристрастный читатель по достоинству оцѣнитъ обвиненіе: „вообще говоря, послабленіе регулярности“! Чтобы читатель могъ судить о моихъ взглядахъ по тому, что я говорю, а не по тому что угодно говбрить за меня почтенному г. критику, долженъ опять прибѣгнуть къ выпискамъ:

(„Курсъ тактики“, стр. 105). „Колонна въ дѣлѣ не совсѣмъ похожа на колонну мирныхъ ученій: стройность прямолинейная невольно исчезаетъ и отъ потерь, наносимыхъ огнемъ, и отъ мѣстныхъ препятствій; однимъ словомъ достиженіе ея въ дѣлѣ невозможно (*), такъ что она имѣетъ значеніе только при мирномъ обученіи, *приучая солдата плотно держаться въ рядахъ.*“

Не трудно, кажется, видѣть, что тутъ не только не отвергаются мирныя требованія отъ строевъ, но напротивъ осмысливаются и поясняются. Непосредственно они не вполнѣ примѣнимы въ бою, но они воспитываютъ солдатъ въ хорошихъ привычкахъ: въ этомъ ихъ смыслъ, значеніе и разумная необходимость. Г. критику, можетъ быть, покажется и то уже ересью, что я отмѣтилъ невозможность полнаго примѣненія прямолинейной стройности въ бою: на это отвѣчу, что я долженъ былъ это сдѣлать, дабы та потеря стройности, которая въ бою неизбежна, не являлась для офицеровъ и людей неожиданностію, а чтобы они смотрѣли на такую потерю, какъ на дѣло естественное и не приходили отъ нея въ смущеніе.

Г. критикъ очевидно основалъ свое обвиненіе на слѣдующемъ мѣстѣ моей статьи („Военный Сборникъ“ 1867 г., № 12, стр. 180):

„Выше упущено одно возраженіе противъ предоставленія самостоятельности ротамъ: единство батальона исчезнетъ. Вышнее, формальное — да. И потому-то нужно будетъ озаботиться о достиженіи единства внутренняго, тактическаго, одного дѣйствительнаго въ бою: единства, которое зиждется не на чувствахъ локтя, не на томъ, чтобы носъ задняго приходился въ затылокъ переднему, но на томъ, чтобы всякій былъ воспитанъ въ убѣжденіи, что выручку товарища нужно ставить выше личной опасности, выше всего.“

Вѣдь тутъ же говорится о *ротамъ*, г. критикъ, которыя,

(*) Понимается, въ идеальномъ видѣ.

какъ вамъ извѣстно, при расположеніи баталіона въ ротныхъ колоннахъ, не становятся къ локтю между собою и не равняются другъ другу въ затылокъ! (*) Г. критикъ сдѣлалъ самое маленькое преобразование въ моихъ словахъ: отнесъ сказанное о ротахъ къ отдѣльнымъ людямъ въ сомкнутой части, и у него получился желаемый результатъ, т. е. обвиненіе меня въ отрицаніи расположенія людей къ локтю и въ затылокъ—„вообще говоря, послабленіе регулярности!“

Теперь прошу читателя убѣдиться въ томъ, отвергаю ли я команды и какъ отвергаю. На стран. 190, 12-й книжки „Военнаго Сборника“ сказано ясно, что команды въ примѣненіи къ частямъ, *большимъ одною баталіона*, должны быть замѣнены приказаніями. Въ курсѣ тактики, въ статьяхъ о воспитаніи и образованіи, наконецъ въ статьѣ объ отношеніи строевыхъ уставовъ къ тактикѣ, разъясняется подробно и опредѣлительно, почему команды въ примѣненіи къ частямъ, *большимъ одною баталіона*, немислимы въ боевыхъ порядкахъ, и въ то же время почему онѣ разумны и необходимы въ примѣненіи къ одной сомкнутой части: кажется, послѣ этого можно бы было замѣтить, что это говорится не вообще, а только въ примѣненіи къ совокупности баталіоновъ? Г. критикъ считаетъ за болѣе для себя подходящее распространить отъ моего имени это положеніе и на отдѣльныя тактическія единицы....

Послѣ всего сказаннаго, читатель по достоинству оцѣнитъ разсужденія въ родѣ слѣдующаго:

„Начитавшись этого.... неопытный читатель, невидавшій никогда боя, вообразить себѣ бой, примѣрно, слѣдующею картиною: прежде всего обязательно каждому, даже солдату, растолковать (**) намѣреніе главнаго начальника и способы ихъ (?) воплощенія; потомъ начальникъ долженъ каждой части отдать приказаніе: куда идти и показать предметъ атаки; затѣмъ уже каждый ротный и эскадронный командиръ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію и роты не будутъ сплосны въ батальонахъ навьюкомъ, а связываются лишь по убѣжденію, исходящему изъ головы и сердца; кавалерія равняется на всякаго высказавшаго впередъ всадника, потому что этотъ всадникъ „этого достоинъ“ и т. д.

„Вотъ къ какимъ крайностямъ можетъ повести буквальное послѣдованіе этому ученію, если его принять на вѣру“, восклицаетъ въ заключеніе г. критикъ.

(*) Т. е., для нихъ (ротъ) исчезаетъ и чувство локтя, и равеніе въ затылокъ, разъ исчезаетъ сборный баталіонный строй.

(**) Суворовъ, Наполеонъ, Фридрихъ-Карлъ находили это необходимымъ, генералъ-маіору Гершельману это кажется только страннымъ...

Особенно если извратить это учение, прибавлю отъ себя: одно умышленно опустить, изъ другаго вывести такія заключенія, которыя изъ него не слѣдуютъ, однимъ словомъ пустить въ ходъ тѣ литературные *tours de passe-passe*, при помощи которыхъ даже человѣку, утверждающему, напримѣръ, что дважды два четыре, можно доказать, что онъ говоритъ негѣдность и обнаруживаетъ разрушительныя тенденціи. Не даромъ Талейранъ говоритъ: „дайте мнѣ отъ человѣка два слова, и я его пошлю на эшафотъ....“ Не спасетъ отъ такого критика ни логичность выводовъ, ни даже авторитетъ людей, которые показали дѣломъ, что знали бой и войну. Или, можетъ быть я ошибочно понимаю этихъ людей? Тогда укажите, въ чемъ ошибка. Или, можетъ быть, они ошибались, а вы правы? Тогда опровергните ихъ.

И странное какое-то впечатлѣніе производить на г. критика самая, повидимому, простая и понятная вещь; положимъ, вы скажете: имѣя въ виду положеніе, въ которомъ лошадь находится на войнѣ, нужно бы и въ мирное время держать ее преимущественно въ открытыхъ конюшняхъ, нужно приучать къ носкѣ вьюка. Г. критикъ сейчасъ прибавитъ отъ себя: „почему бы не посоветовать бросить правильность въ задачѣ корма, или не разсѣдывать лошадей по цѣлымъ суткамъ?“ Очень просто почему: цѣль воспитанія лошади въ мирное время заключается въ томъ, чтобы укрѣпить ее для перенесенія военныхъ лишеній, а не ослабить. Вѣдь я не предлагаю же подобныхъ несообразностей: по какому же праву вы мнѣ называете ихъ? Въ примѣненіи основнаго принципа (*) къ дѣлу я не иду далѣе приученія къ полному вьюку; я показалъ слѣдовательно границу, переступать которую было бы, по моему, вредно: на основаніи какого логическаго приема вы позволяете себѣ переступать эту границу отъ моего имени? Вы, можетъ-быть, скажете, что я и то уже пошелъ далеко, что мои предположенія на дѣлѣ причинять болѣе вреда, нежели приносятъ пользы. Такъ ли это или нѣтъ, можетъ показать опытъ, и только одинъ опытъ. И пока его нѣтъ, вы не имѣете логическаго основанія ни соглашаться, ни не соглашаться со мною.

Скажете ли, напримѣръ, что къ развертыванію и свертыванію батарей полезно бы было тоже примѣнить принципъ

(*) Вести въ мирное время войска ближе къ положенію, въ которомъ они будутъ на войнѣ.

независимости расположенія орудій или взводовъ отъ порядка нумеровъ,—г. критику кажется, будто мы требуемъ предоставленія права всякому взводному командиру „стрѣлять тѣмъ рядомъ и въ томъ направленіи, какъ онъ признаетъ за лучшее“. Кажется, не трудно понять, что сказаннаго о развертываніи нельзя примѣнять къ дѣйствию.....

Поведете ли рѣчь о критикѣ распоряженій на маневрахъ и ученяхъ въ томъ смыслѣ, что нужно всемѣрно стараться дѣлать ее такъ, чтобы она не подрывала въ мелкихъ начальникахъ самоувѣренности и не уничижала ихъ, г. критику кажется, будто я этимъ подрываю авторитетъ, который приказаніе начальника должно имѣть въ глазахъ его подчиненнаго. Чувствую, что злоупотребляю вниманіемъ читателя, но обвиненіе это слишкомъ серьезно, и безъ разъясненія оставлено быть не можетъ.

Никто, конечно, и спорить не станетъ съ тѣмъ, *во-первыхъ*, что разъ я говорю о критикѣ распоряженій, то уже по этому самому обращаюсь къ тѣмъ, кто имѣетъ право на критику, а не къ тѣмъ, кого критикуютъ. Если бы былъ спеціальныи журналъ для гг. дивизионныхъ и полковыхъ командировъ, то я эту мысль и развилъ бы въ такомъ журналѣ. Но такъ какъ его нѣтъ, то и пришлось сказанное замѣчаніе внести въ статью, помѣщенную въ „Военномъ Сборникѣ“.

Во-вторыхъ, въ своей замѣткѣ я развиваю мысль о томъ, *въ какую форму лучше, для пользы дѣла, облекать критику распоряженій на маневрахъ и ученіяхъ*, а вовсе не о томъ, какъ должно относиться къ служебнымъ приказаніямъ. Последнее само собою разумѣется для всякаго военнаго: *приказаніе должно быть исполнено безусловно, съ тѣми ограниченіями конечно, которыя предписываются уставомъ о службѣ внутренней*. Другаго разрѣшенія этого вопроса я не допускаю, и по этому самому не могъ касаться его въ моей статьѣ, которая имѣетъ темою: *желательныя измѣненія, а не перечень того, что всегда было и будетъ неизмѣнно-вѣрными въ примѣненіи къ вооруженной силѣ*. Съ равнымъ основаніемъ г. критикъ могъ бы мнѣ сдѣлать упрекъ и въ томъ, что я, говоря о критикѣ распоряженій на маневрахъ, упустилъ сказать, что нужно еще прежде подумать о томъ, чтобы солдатъ былъ накормленъ, одѣтъ и проч., и проч.

Люди, весьма высоко поставленные, дають намъ великіе и

поучительные образцы того, какъ терпѣливо и сдержанно должно относиться къ ошибкамъ, неизбѣжнымъ при мирныхъ упражненіяхъ войскъ (*). Эти образцы и вызвали во мнѣ размышленіе о томъ, что не дурно бы и начальникамъ понижесъ ними сообразоваться.

Въ-третьихъ, если бы я нашлись между подчиненными странные господа, которые, извращая смыслъ моихъ словъ, приняли бы сказанное о критикѣ распоряженій за оправданіе неповиновенія, то вѣдь на то есть дисциплинарный и уголовный уставы, чтобы привести подобныхъ господъ въ чувство и осязательно указать имъ, какъ должно относиться къ приказаніямъ, и что считать важнымъ, а что неважнымъ. Но я не допускаю мысли, чтобы нашлись въ военномъ сословіи люди, которые не понимаютъ, что *руководства для служебныхъ отношеній должно искать въ существующихъ военныхъ постановленіяхъ, а не въ журнальныхъ статьяхъ*. Вѣдь не откажетъ же мнѣ г. критикъ въ томъ, что на ряду съ необходимостію добросовѣстнаго разбора существующихъ уставовъ я признаю и необходимость безусловнаго исполненія ихъ, *каковы бы они ни были*.

Сказанное о приказаніяхъ объяснить также г. критику: почему я мало сказалъ о баталіонныхъ командирахъ: въ существѣ, ихъ роль почти не измѣняется, за исключеніемъ частныхъ, которыя и оговорены.

Поговоривъ обо всемъ этомъ, г. критикъ напалъ на блистательную мысль: будто требованія и положенія, высказанныя въ статьяхъ, заимствованы изъ инструкціи для лагерныхъ занятій 1866 года, данной бельгійскимъ военнымъ министромъ! Что же это такое? Положимъ, я, по своему невидному и неотвѣтственному положенію, могу еще, по мнѣнію г. критика, дѣлать *опозицію* (кому?) и упражняться въ пропагандѣ *ослабленія регулярности, неуваженія къ приказаніямъ* и въ прочихъ ужасахъ; но дѣлать въ этомъ моимъ соучастникомъ и бельгійскаго военнаго эксъ-министра?!.... Генералъ баронъ Шазаль, если когда-нибудь дойдетъ до него вашъ комплиментъ, будетъ имъ вѣроятно удивленъ (**). Зачѣмъ задавать себѣ лишній трудъ

(*) Въ собственной служебной практикѣ я могъ бы указать на подобный образецъ, если бы не боялся упрека въ лести со стороны лицъ, подобныхъ моему критику.

(**) Г. критику. кажется, неизвѣстно, что эта инструкція была помѣщена въ

отыскать, и т. д. в. т. д. и т. д. Иногда я этого иногда ни
ни отъ кого не скрываю: взялъ у Суворова, маршала Сак-
сонскаго, у Бюжо; утвердили меня въ томъ, что я не заблуж-
даюсь, Фридрихъ, Наполеонъ, равно какъ и боевая дѣятель-
ность трехъ вышеозначенныхъ маюеровъ основано дѣла. Я не
говорю уже о послѣдовательности, дарицей во всемъ разборъ: въ
началѣ упомянуто, что „мое“ учение возникло вслѣдствіе нени-
гретскаго погрома; немедленно вслѣдъ затѣмъ — что я это го-
ворилъ и прежде; нѣсколько спустя — что моимъ требованіемъ
и пожеланіемъ виновать бельгийскій военный министръ; я не-
медленно вслѣдъ затѣмъ — что я это говорилъ и прежде.

Не менѣе странно и тогъ упрекъ, будто я не принимаю
въ расчетъ національнаго характера нашего солдата, увле-
канъ перидно минуясю храбростию француза, италійца; будто
мои „требованія“ (*) носить на себя чужестранный оттѣнокъ.
Если Суворовъ былъ иностранецъ, если Суворовъ строилъ
свою систему на „минутой храбрости француза, италійца“,
то въ такомъ случаѣ я готовъ признать, что мои предложе-
нія носить на себя чужестранный оттѣнокъ. Ибо я не говорю
ничего своего; я говорю только то, чему научилъ меня этотъ
великій учитель, съ прибавкою къ его системѣ тѣхъ отдѣ-
ловъ, которые въ его время не имѣли значенія.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ: 1) о доводахъ кри-
тика противъ освобожденія ротъ отъ нумеровъ, и о
мнимомъ требованіи новаго устава; 2) о постоянномъ его возвра-
щеніи къ порядку и стройности, безъ особеннаго вниманія
основъ, на которыхъ то и другое держится въ бою; 3) о дове-
дахъ его въ пользу нормальныхъ порядковъ; наконецъ 4) объ обви-
неніи меня въ томъ, что я... развращаю молодыхъ офицеровъ.

Противъ предложенія независимости расположенія ротъ отъ
порядка нумеровъ, критикъ возражаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Что касается желанія автора разбираемой статьи, чтобы отря-
ситься отъ нумеровъ ротъ въ батальонъ, то скажу откровенно:
никакіе доводы искуснаго (!) писателя, никакіе примѣры не разсъ-
ваютъ сомнѣніе на счетъ вѣрности этого взгляда; скажу больше:

„Военномъ Сборникѣ“, и при томъ съ многочисленными примѣчаніями г. М. Д.
Примѣчанія эти таковы рода, что могли бы прямо указать г. критику, до какой
степени его предположеніе о заимствованіяхъ изъ этой инструкціи мало соотвѣ-
тельно.“

Прим. ред.

(*) Ничего я не требовалъ и не имѣю права требовать; но предлагалъ и до-
казывалъ, почему предлагаю.

я глубоко убѣжденъ, что это послужить поводомъ къ значительнымъ безпорядкамъ подъ огнемъ, при отступленіи (порою не совсѣмъ порядочномъ). Не знаю, случилось ли автору видѣть массу людей, или хоть баталіонъ, выходящій изъ штыковой драги—не угодно ли привести этотъ баталіонъ въ порядокъ при условіи полного отрѣшенія отъ порядка номеровъ ротъ. Гдѣ же тутъ помнить, какая рота стояла въ головѣ, какая въ хвостѣ колонны.“

Читатель видитъ, что г. критикъ противопоставляетъ моимъ аргументамъ силу своего чувства и глубину убѣжденія, не снисходя до того, чтобы подтвердить ихъ логическими доводами. При такой манерѣ доказательствъ, разборъ вопроса невозможенъ. Положимъ, вы начали бы доказывать кому-либо, привывшему считать дважды-два за пять, что это не пять, а четыре, и получили бы на это въ отвѣтъ: „говорите что хотите, но никакіе ваши доводы, никакіе примѣры не разсвѣчаютъ моего сомнѣнія на счетъ вѣрности этого взгляда“. Получивъ такой отпоръ, вы, конечно, перестали бы доказывать. Г. критикъ говорить за тѣмъ, будто независимость расположенія ротъ отъ порядка номеровъ поведетъ къ значительнымъ безпорядкамъ подъ огнемъ при отступленіи и опять не доказываетъ, *почему* такъ думаетъ.

Позвольте представить *почему* я думаю, что независимость ротъ отъ номеровъ не только не помѣшаетъ, а поможетъ разбраться въ случаѣ безпорядка.

Во-первыхъ, такъ какъ эта независимость отстаетъ мною для удобства свертыванія, развертыванія и перемѣны фронта, то позвольте, имѣя это въ виду, предложить вопросъ: возможны ли эти эволюціи подъ натискомъ непріятеля? Конечно, нѣтъ. Слѣдовательно, съ этой точки, какую бы систему развертыванія и свертыванія вы ни принимали, она не можетъ отразиться вредно на порядкѣ въ тѣ минуты, о которыхъ вы говорите.

Теперь взглянемъ на дѣло съ другой точки: какой баталіонъ легче привести въ порядокъ: тотъ ли, въ которомъ ротные командиры привыкли къ большей самостоятельности, *а слѣдовательно и къ большей отвѣтственности*, которые чувствуютъ себя хозяевами ротъ; или же тотъ, въ которомъ ротные командиры въ строю привыкли смотрѣть на себя только какъ на передаточную инстанцію для командъ, соответствующихъ извѣстнымъ командамъ баталіоннаго командира? Кажется и сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, который изъ этихъ двухъ

баталіоновъ легче привести въ порядокъ. Помощникъ самостоятельный надежнѣе несамостоятельнаго. А вы безъ труда согласитесь конечно, что если роты въ порядкѣ, баталіонъ не можетъ быть въ безпорядкѣ; если, наоборотъ, роты въ безпорядкѣ, то, что-бы ни дѣлали, вы баталіона въ порядокъ не приведете. Изъ этого выводится одинъ изъ основныхъ принциповъ не только поддержанія порядка въ бою, но даже и обученія массъ въ мирное время: *такъ какъ возстановленіе порядка въ бою сопряжено съ страшными затрудненіями, то чѣмъ въ меньшихъ единицахъ начать его возстановленіе, тѣмъ дѣло пойдетъ легче, быстрее, лучше.* Г. критикъ пойметъ изъ этого, конечно, что условіе возстановленія порядка въ первой инстанціи требуетъ энергической дѣятельности не баталіоннаго командира, не однихъ ротныхъ командировъ, а гораздо прежде еще *дѣятельности начальниковъ полувзводовъ, десятковъ и даже взводовъ.* Понимается само собою, что если каждый десяточный приведетъ въ чувство одного-другаго шального изъ своего десятка и тѣмъ сплотитъ этотъ послѣдній, приведеніе въ порядокъ полувзводовъ становится дѣломъ нетруднымъ; а затѣмъ приведеніе въ порядокъ ротъ и баталіона становится дѣломъ тоже нетруднымъ. Изъ чему же мы пришли въ концѣ концовъ? *Изъ возстановленію значенія и въ стрѣль тѣмъ подраздѣленія, которое принято для быта внутренняго!* Вотъ на чемъ держится порядокъ въ бою болѣе, чѣмъ на сколачиваніи ротъ, какъ механическихъ атомовъ, въ одну массу, посредствомъ приученія ихъ къ занятію однихъ и тѣхъ же мѣстъ. До чего же мы договорились? Договорились до того, *чтобы въ части былъ прежде всего крѣпокъ внутренній порядокъ;* при этомъ условіи никакое нарушеніе внѣшней механической стройности не приведетъ части въ безпорядокъ: она можетъ столкнуться въ кучу, но не потеряетъ способности исполнять возлагаемая на нее назначенія. Вотъ тотъ идеальный порядокъ котораго ничто подорвать не можетъ и который идетъ, конечно, изъ головы и сердца (какъ вамъ ни странно кажется это выраженіе), а не изъ чувства локтя и не изъ равенія въ затылокъ. Замѣйте, я не отвергаю стройности движенія; я говорю только: *ищите прежде всего внутреннюю стройность, остальное приложится: будетъ и затылокъ, и чувство локтя, и ровный шагъ, и равеніе, въ какомъ бы порядкѣ роты ни пришли.* Если же, наоборотъ, погнаться за всѣми этими относительно важными вещами, то, пожалуй, рав-

неліе получите. На внутрішній порядок впускаете, а безъ того один привычка къ механической стройности далеко помогаетъ въ дѣлѣ. Можете быть, вы объяснете, что же превеликаго вредное вліяніе ученія механическимъ порядкомъ на порядокъ внутрішній? Конечно поворочивають, расстраиваи были бы. Если бы это было такъ. На буду для подтвержденія сказаннаго, обладаю скорбе качествомъ, чѣмъ недостаткомъ практическихъ подтвержденій. Что говорили тактики той школы, къ которой принадлежите, судя по возраженіямъ, слышу? Говорили, что *стройность и механический порядокъ есть та мощиственная пружина, съ потерей которой баталіонъ обращается въ толпу, надъ которою холма и пачартица начальника безсилны*. Теперь скажите, положивъ руну на сердце неужели можно назвать прочнымъ тотъ порядокъ, подъ впечатліемъ котораго придать къ такимъ выводамъ и относительно какого же положенія? Относительно положенія въ бою, гдѣ, какъ ни сами вы признаете, беспорядокъ составляетъ почти неизбежное явленіе.

Если беспорядокъ въ бою неизбеженъ, то не рациональнѣе ли въ мирное время воспитывать войска такъ, чтобы, не казавшая вышшаго порядка, не увлекаться имъ однако до того, чтобы съ потерей его часть обращалась „въ толпу, надъ которою“ и проч.? Однимъ словомъ, вести войска такъ, чтобы даже и *приведенная въ беспорядокъ часть не теряла возможности исполнять возлагаемыя на нее назначенія?*

Еще примѣръ: расположеніе унтеръ-офицеровъ такимъ образомъ, чтобы они приходились каждый за своимъ десаткомъ или полувзводомъ (*), не принято, сколько мнѣ извѣстно, ни въ одной изъ армій. Отчего не принято? Огвѣтъ простъ: изъ-за соблюденія ранжира. Вотъ вамъ еще доказательство того, какъ стремленіе къ идеалу вышшаго порядка убиваетъ порядокъ внутрішній. Бенедекъ былъ правъ, совѣтуя офицерамъ не очень рисковать собою: онъ зналъ вѣроятно, что того внутренняго порядка, при которомъ рота остается страшною неприятелю, даже потерявъ весь начальственный кадръ, не было въ частяхъ его арміи. Онъ также былъ убѣжденъ вѣроятно, что часть, потерявшая механической порядокъ, обращается въ толпу, надъ которою голосъ начальника безсиленъ...

Но когда возможенъ здоровый, сильный внутрішній поряд-

(*) Или около своего, т. е., на флангѣ.

докъ? Тогда, когда каждый из начальственного кадр. знает свой права и обязанности, когда ему предоставлена соответствующая свобода самостоятельности и исправлений съ нею (ответственности); однимъ словомъ, когда въ профессияхъ знают и строго исполняютъ уставы о службѣ внутренней. Вотъ язьон и основа всему въ организации военной; вотъ единственный источникъ и дисциплины, и создания долга; вотъ фундаментъ, на которомъ должно строить военскую организацию и безъ котораго не спасуть отъ безпорядка, въ бою, нестройность, ни сонливость, ни разменен.

Можетъ быть, вы замѣтите, отчего же я этого прежде не сказалъ? Да развѣ я смѣлъ подумать, обращаясь въ родной публикѣ, что должны начинать съ буквы дѣла, составляющаго специальность этой публики? Въ Курскѣ же это въ свое время оговорено.

И до какой степени это важно, до какой степени высказанный принципъ пронинаетъ весь военный бытъ, — показываетъ и мирное положеніе. Приглядитесь къ тому, какъ учить свой баталіонъ дѣльный баталіонный командиры, чтобы дорести его до совершенства. Вы думаете, стараются сделать по возможности больше баталіонныхъ учений? Ничуть не бывало; предоставляютъ полную свободу и возможно-большее время занятіямъ ротныхъ командировъ (*). Почему? Да потому, потому же: если роты выучены, баталіонъ свести — ляже не стоять; если же не выучены, то вдвое пробьтеть и все-таки немного сдѣласте. Загляните къ дѣльному ротному командиру — та же исторія: никогда не увидите безконечныхъ шеренгъ; работа идетъ по десяткамъ. Обучение есть то же самое приведеніе въ известный порядокъ.

Предлагаю независимости распорядженію ротъ отъ порядка номеровъ, а имѣя въ виду ничего болѣе какъ поставить ротнаго командира въ самостоятельное положеніе «осязательнымъ» образомъ, не имѣя въ то же время и въ мысли ограничивать этотъ объемъ подчиненія его баталіонному командиру. *Оздать однимъ словомъ то пользование ротному командиру, которымъ онъ пользуется въ стрѣлѣ и пользуется для успеха дѣла, а не въ учеребѣ ему.*

(*). Разумѣется, контролируя и поправляя, но не вѣшиваясь и встати и не-кстати. Я бы и не сдѣлалъ этой оговорки, какъ само собою разумѣющейся; но г. критикъ научилъ меня довериваться до азрѣвѣ.

Послѣ всего этого вы согласитесь вѣроятно, что я былъ не совсѣмъ не правъ, предостерегая отъ увлеченія стройностію движенія, и что при этомъ я и въ мысли не имѣлъ „послабленія регулярности“. Не стройность страшна, не стройность вредна: вредно доведеніе ея до той степени совершенства, на которой она подрываетъ внутренній порядокъ. Если вопросъ становится такимъ образомъ, что нужно пожертвовать чѣмъ-нибудь однимъ: или излишнимъ совершенствомъ механической стройности въ пользу внутреннего порядка, или же, наоборотъ — то кажется въ выборѣ нельзя сомнѣваться. Мы уже отказались отъ шага съ носка, отъ носки ружья въ лѣвой рукѣ: потерялась ли отъ этого стройность? Нѣтъ. А выиграли ли мы? Да. Сомнѣвающимся въ этомъ предлагаю мысленно сравнить натянутую фигуру солдата прежнихъ годовъ съ фигурою теперешняго. Сравнить также отбѣты того и другаго. Не потеряется также дѣльная стройность и отъ того, если роты не всегда будутъ стоять въ одномъ и томъ же порядкѣ одна относительно другой, если десяточные и полузводные будутъ размѣщены при тѣхъ людяхъ, которые ихъ знаютъ и которыхъ они знаютъ, хотя бы это было и не совсѣмъ по ранжиру, если наконецъ согласиться на выведенный выше допускъ въ равеніи частей, составляющихъ одну линію. Въслѣдствіе съ принятіемъ независимости ротъ отъ порядка номеровъ приобретется новая громадная выгода: совершенно ровный по росту составъ ротъ, ибо не будетъ болѣе причины высокорослыхъ собирать преимущественно въ крайнихъ, а малорослыхъ въ среднихъ ротахъ.

Всѣ предложенія, высказанныя въ моихъ статьяхъ, ведутъ не къ ломкѣ, а къ упрощенію устава; придется больше *отменить*, чѣмъ *перемѣнять* — что далеко не одно и то же; въ результатъ получится, слѣдовательно, гораздо больше *упрощенія*, чѣмъ *пересушиванія* — что опять не одно и то же. Все будетъ основано на ротномъ ученіи, вслѣдствіе чего облегчится сводка баталіона и уставъ баталіоннаго ученія сократится въ нѣскольکو страницъ. Въ результатъ получится, слѣдовательно, огромное облегченіе, особенно предполагая въ частяхъ большое число молодыхъ солдатъ.

Приступъ г. критика къ разбору сказаннаго мною о бое-

ныхъ порядкахъ омихъ дѣласть необходимою пространную выписку изъ его статьи:

„Затѣмъ авторъ—говоритъ г. генералъ-маіоръ Гершелъманъ—переходитъ къ боевымъ порядкамъ. Онъ возстаеъ, съ привычною рѣзкостью, противъ назначенія начальниковъ линій, требуетъ связи батальоновъ не по линіямъ (по линіямъ?) фронта, а по перпендикулярному къ ней направленію и пр. Все это вѣрно и было бы весьма назидательно, если бы устранить крайности въ родѣ клейменія отсталости памяти Фридриха-Великаго, или вводить какую-то новую (!) науку: „перпендикулярную тактику“ въ противоположность какой-то „линейной“. (!) Къ чему эта новая терминологія? А между тѣмъ это высказано военнымъ писателемъ, пользующимся уваженіемъ; вѣдь это идетъ на всю широкую Русь—вѣдь принять на вѣру, что дѣйствительно есть какія-то новыя тактики по начертанію разныхъ линій.“

Въ этомъ странномъ упрекѣ, съ которымъ г. критикъ соблаговолилъ ко мнѣ обратиться, приводятъ меня въ недоумѣніе три вещи: во-первыхъ, какимъ образомъ вѣрная мысль можетъ потерять назидательность отъ того, если она рѣзко высказана? во-вторыхъ, гдѣ онъ нашелъ клейменіе отсталости „памяти“ Фридриха. Человѣкъ умершій не можетъ, какъ извѣстно, ни отставать, ни забѣгать впередъ, а память о немъ и тѣмъ болѣе. Для своей эпохи Фридрихъ, напротивъ, былъ передовою человѣкъ; я это высказалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и преклоняюсь передъ его геніяльностью; но вѣдь въ его эпоху не было ни штуцеровъ, ни заряданія съ казны, ни нарѣзныхъ пушекъ, ни національных армій (*), ни разсыпнаго строя, ни перерывчатаго боеваго порядка: слѣдовательно, формальная сторона его системы, хорошая для того времени, является отсталою въ наше время. Вотъ все, что я говорилъ и буду говорить; слѣдовательно, память Фридриха-Великаго тутъ ни при чемъ. Положимъ, что въ наше время явился бы оригиналъ, который вздумалъ бы отвергать разсыпной строй на томъ основаніи, что Фридрихъ недопускалъ его: такого господина можно было бы по всей справедливости признать отсталымъ безъ малѣйшаго ущерба памяти Фридриха. Въ-третьихъ.... въ-третьихъ, какъ бы это выразить? Термины: „перпендикулярная“, „линейная тактика“ не мои, а приняты еще съ конца прошлаго столѣтія всею европейскою военною литературою и на нихъ неминуемо почти натаккиваешься, какъ только рѣчь пойдетъ о переходѣ отъ Фридриха къ Наполеону.... Я не смѣю сомнѣваться въ близкомъ знакомствѣ

(*) Кромѣ нашей; за то она и дала себя знать вербозащитамъ.

т. критика съ выдающимися произведеніями военной литературы: вѣроятно онъ и встрѣчалъ эти термины, но какъ-нибудь пропустилъ ихъ безъ вниманія и вслѣдствіе этого приписалъ ихъ имъ. Г. критика кажется весьма простымъ, что теперь связь въ боевомъ порядкѣ должна быть устанавливаема не по линіи, а по перпендикулярному къ ней направленію; до такой степени простымъ, что это не можетъ служить основаніемъ новой тактикѣ: жаль, что съ 1796 по 1806 годъ включительно не догадывались объ этой простой вещи всѣ тѣ, которые попадались подъ удары Наполеона; что, несмотря на *простоту* установленія связи по направленію, перпендикулярному къ фронту, всѣ европейскія арміи и по настоящее время еще не вполне отдѣлились отъ строгаго равенія по линіямъ и отъ назначенія начальниковъ линій, т. е. отъ приемовъ линейной тактики; что наконецъ самъ критикъ возстаетъ противъ послѣдствій принятія этой связи при расположеніи и движеніи войскъ. Принявъ это въ расчетъ, нетрудно понять, что кажущееся критику простымъ вовсе не такъ просто.

Далѣе г. критикъ замѣчаетъ, что вовсе не духъ линейной тактики повелъ къ созданію такъ называемыхъ нормальныхъ порядковъ, „а они создались сами собою“. Мы будемъ принимать послѣднее выраженіе г. критика за оговорку, ибо ничто не можетъ возникнуть само собою, т. е. безъ причины. Онъ далѣе дѣйствительно и даетъ эту причину, несмотря на то, что нормальные порядки возникли сами собою, и причина его такого рода, *что показываетъ, ясно какъ день*, корень нашихъ нормальныхъ порядковъ именно въ линейной тактикѣ.

„Сначала полагали, что, вдумавшись во всѣ случаи, въ которые дивизія можетъ быть поставлена въ бою (говоритъ г. критикъ), возможно сгруппировать ихъ въ нѣсколько однородныхъ или между собою сходныхъ категорій, и на этомъ основаніи начертаны были прежніе четыре боевые порядка.“

То-есть, другими словами: возникло стремленіе подчинить уставнымъ нормамъ расположеніе дивизіи для боя. Откуда же возникло это стремленіе? Возникло изъ того, что люди, которымъ пришла мысль нормальныхъ порядковъ, *были воспитаны на линейной тактикѣ, въ которой боевой порядокъ былъ подчиненъ самымъ точнымъ уставнымъ нормамъ, ибо въ немъ тактическую единицу составлялъ не баталіонъ, какъ теперь, а цѣлая линія*. Начертавшіе нормальные порядки и взяли внѣшность наполеоновскихъ боевыхъ порядковъ, т. е. интервальные ли-

нѣ съобразивъ, и тушу оставили временно, зная, что уступивъ опредѣлительность и строгое различіе по линиямъ. Предоставляю критику судить о силѣ этого, возникли ли нормальные порядки само по себе, или они составляли явное прецѣдентное дѣло живой татарины.

Далѣе, разсказывая печальную судьбу, несостоящую нормальную традицію, несмотря на то, что они были малертаи, съ добрымъ намѣреніемъ, г. авторъ силится вывести единственный оставшіеся нормальный боевой порядокъ только какъ видоизмѣненіе резервнаго! На это должно сказать, что единствѣнный нормальный боевой порядокъ вовсе не удовлетворяетъ назначенію резервнаго ни въ какомъ случаѣ, уже и потому, что разбрасывается на слишкомъ большое пространство, не удовлетворяетъ также и назначенію подготавливателя боеваго, по причинамъ, указаннымъ въ статьѣ „Воиннаго Оборвика“, № 12, и подробно разсказанъ въ статьѣ „Объ отношеніи строевыхъ уставовъ къ тактикѣ“. Впрочемъ, если этого мало, повторю эти резоны вкратцѣ еще разъ: боевой порядокъ (*) есть не расположеніе войскъ только, независимо отъ обстановки, но расположеніе ихъ при полномъ ея принятіи въ расчетъ; обстановка складается изъ мѣстоности, случайностей, возникающихъ въ данную минуту и выходящихъ изъ нея исчезающихъ силы, состава и свойства нашихъ и неприятельскихъ войскъ, свойства ландшафта, или командующихъ, намѣреній нашихъ и неприятельскихъ. Такъ какъ эта обстановка безконечно видоизмѣняется, то и боевой порядокъ долженъ быть безконечно видоизмѣнимъ. Следовательно, приучать войска къ одному какому-либо его виду не только бесполезно, но вредно, ибо это приучаетъ къ одной только формѣ въ томъ дѣлѣ, въ которомъ ихъ безчисленное множество, и отучаетъ въ то же время отъ принятія въ расчетъ обстановки. Напрасно г. критикъ цитируетъ мое выраженіе: „самая упругая форма“; по своему обычаю, онъ опускаетъ конецъ фразы: „разсматриваемая помимо обстановки“, что совершенно измѣняетъ смыслъ перваго предложенія; напрасно также ссылается и на Наполеона: у него не было предпочтительной формы, а всякая форма была хороша на своемъ мѣстѣ и въ свое время, начиная отъ аркольскихъ глуп.

(*) Какой бы то ни было, т. е., возьмемъ ли его передъ боемъ, или въ одинъ изъ послѣдующихъ моментовъ.

боевыхъ колоннъ и кончая одною растянутой линіей (безъ *осл-
каго резерва*) Ланна подъ Фриландомъ.

Смысла на Рюстова ничего не доказываетъ, ибо онъ не боевой авторитетъ. Въ этомъ отношеніи, указанія исторіи и французскій уставъ о полевой службѣ въ военное время заслуживаютъ большаго вниманія (*). Въ немъ положительно отвергается возможность какихъ-либо опредѣленныхъ правилъ для построения войскъ въ боевой порядокъ.

Г. критикъ объясняетъ себѣ случай, въ которомъ дивизія въ резервномъ порядкѣ попала подъ огонь, тѣмъ, будто бы начальникъ дивизіи не хотѣлъ дѣлать лишнихъ передвиженій до выясненія обстоятельствъ: это не вѣрно, ибо помянутая дивизія стояла въ резервѣ, и ея начальнику было совершенно ясно то обстоятельство, что ее начали разстрѣливать. Слѣдовательно, если онъ остался въ резервномъ порядкѣ, то не въ ожиданіи разъясненія обстоятельствъ, а въ силу привычки думать, что въ резервѣ онъ не смѣетъ стать иначе какъ въ порядкѣ, предписываемомъ для того уставомъ.

Г. критику кажется непрактичнымъ приученіе кавалеріи къ сбору изъ разсыпной атаки впереди, а не на самой линіи или за нею. Зейдлицъ училъ такъ. Можетъ быть, г. критикъ и правъ; но въ кавалерійскихъ вопросахъ я предпочитаю лучше ошибаться съ Зейдлицемъ, несмотря на фамильярное приглашеніе г. критика вспомнить „пожалуйста“ атаку подъ Балаклавой, и другія.

Въ концѣ статьи г. критикъ посвящаетъ нѣсколько словъ разбору моего изложенія системы воспитанія и образованія войскъ. Находить онъ въ этомъ изложеніи *много* пробѣловъ:

1) *Нигде не сказано объ аванпостной службѣ.* По моему убѣжденію, единственная подготовка въ мирное время, дающая основы къ хорошему отправленію сторожевой службы — есть служба гарнизонная. Это и высказано въ курсѣ на своемъ мѣстѣ (**).

(*) *Ordonnance sur le service des armées en campagne*, titre XIII: „On ne peut guère fixer des règles précises sur la manière de disposer ses forces. Cette disposition varie en raison du nombre et de l'espèce des troupes opposées, de leur état moral au moment où l'on se trouve, de la nature de la guerre, de celle du terrain, de la capacité des chefs, et enfin de l'objet qu'on se propose“. Уставъ этотъ относится къ тому времени, когда были еще на сценѣ дѣятели эпохи Наполеона I, и составленъ подъ влияніемъ Сена-Сира—человѣка, одинаково сильнаго и въ теоріи, и въ практикѣ военнаго дѣла.

(**) См. „Курсъ“, стр. 211, примѣчаніе.

2) *Ничто не говорится о поддержаніи и развитіи въ воинскихъ чинахъ желей религіозности.* Каждому православному известно, что по уставамъ нашего вѣроисповѣданія свѣтскія лица не имѣютъ права вѣдаться въ разсужденія о догматахъ религіи, тѣмъ менѣе о духѣ и объѣмѣ преподаванія ихъ вѣрующимъ. Это дѣло духовныхъ лицъ, единственныхъ руководителей дулъ нашихъ, облучающихъ чрезъ рукоположеніе высокое право и обязанность наставлять вѣрующихъ въ истинахъ религіи. Не говорю уже о неприличіи сопоставленія вопроса о томъ, какъ нужно учить солдатъ закону Божию съ вопросами о лучшемъ приученіи ихъ въ работѣ штыкомъ, къ мѣткой стрѣльбѣ и пр. Не говорю также о страшномъ затрудненіи, съ которымъ было бы сопряжено введеніе у насъ основъ религіознаго обученія въ тактику: въ нашей арміи есть не одни православные, а также лютеране, католики, магометане, наконецъ иудеи, какъ то конечно не безъизвѣстно и самому г. критику.

Итакъ изъ *многихъ*, обѣщанныхъ критикомъ, преблговъ вышло только два, и притомъ—такого свойства... Впрочемъ искренно буду благодарить г. критика, если онъ не оставитъ меня и на будущее время указаніями тѣхъ пропусковъ, которые найдетъ въ „курсѣ“: чѣмъ лучше онъ будетъ выработавъ, тѣмъ болѣе принесетъ пользы.

Поговоривъ затѣмъ еще разъ о командахъ и приказаніяхъ и опять въ томъ смыслѣ, будго я совершенно отвергаю первыя, г. критикъ заключаетъ такъ:

„Приступая къ настоящему разбору, я назвалъ рядъ этихъ статей ученіемъ; и дѣйствительно уже встрѣчаются въ военномъ сословіи ученики, съ крайнею самонадвянностью отрицающіе всѣ выводы многолѣтнихъ трудовъ, всѣ изысканія, всѣ завѣтныя преданія военной исторіи и—что всего хуже—не дающіе взаимнѣ ничего.... способнаго поддержать ту обаятельную прелесть военного быта, которая искони вездѣ составляла единственное воздаяніе военному сословію.“

Вѣроятно, г. критикъ, не завѣсилъ всей тяжести обвиненія, заключающагося въ этихъ строкахъ; разсердившись, не знаю за что, на мои статьи, онъ расположенъ искать въ нихъ корни всѣхъ золъ, которыя, можетъ быть, кажутся только его разстроенному воображенію, а на самомъ дѣлѣ и не существуютъ, или же если и существуютъ, то отъ другихъ причинъ, а не отъ моихъ статей. Не понимаю одного: какимъ образомъ я могъ содѣйствовать отрицанію завѣтныхъ преданій военной исторіи? Не благоговѣиемъ ли, съ

которыми всегда и говорю, и пишу о Суворове? Каким образом и кому быть answer в подрыве „обязательной прелести военного быта“? Ведь я о быте, собственно не писал ни слова, ибо, сколько помню, ни разу не выводил за пределы вопроса о воспитании и образовании войск. Я просто полагаю, что г. критикъ, бросивъ въ меня подобными обвиненіями, увлеченный личною раздражительностію; ибо если и ошибаюсь, если онъ уважаетъ хотя на трехъ чловѣкъ, которые сдѣлались дурными военными, благодаря моимъ статьямъ — впередъ даю торжественно честное слово никогда больше не говорить и не писать о военномъ дѣлѣ. И странно, вслѣдствіе подобныхъ обвиненій, почтенный авторъ счелъ умѣстнымъ закончить свое произведение одобрительнымъ отзывомъ о моихъ статьяхъ, какъ спасающихъ отъ усилченія, и въ самомъ воздерживающемся отъ рывковъ — изъ чувства самоуваженія! „Рыцари дрались на смерть, сохраняя обоюдное уваженіе“, прибавляетъ онъ, явивъ самъ примѣръ такой „рыцарской“ полевини...

Чувство благодарности влечетъ меня огласить за содѣйствіемъ же, но г. критикъ такъ проинателевъ, что о содержаніи этого содѣянія и самъ догадается.

Ш. Драгомировъ.

6-го января 1868 г.